

11. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.
12. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31 – 285.
13. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 2000.
14. *Философский энциклопедический словарь.* М., 2002.
15. *Чакаев Р. К.* Антонимия и антиномия как взаимно дополняющие понятия // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : матер. междунар. науч.-практ. конф., 17 – 19 марта 2006 г. М. ; Кострома, 2006. С. 142 – 143.

Об авторе

18

Надежда Владимировна Писарь – канд. филол. наук, Калининградский государственный технический университет.
E-mail: nadezdapisar@mail.ru

About the author

Dr Nadezhda Pisar, Kaliningrad State Technical University.
E-mail: nadezdapisar@mail.ru

УДК 81.139

Т. М. Шкапенко

К ПРОБЛЕМЕ СЕМИОЗИСА ЗАИМСТВОВАННОГО ЗНАКА

Анализируются данные наблюдения за процессом эволюции заимствованного знака на примере англо-американского заимствования «креативность». Демонстрируется характерный для усвоения заимствованных реверсивный характер семиотического процесса – от означающего к означаемому. Описываются различные способы и стадии освоения «чужого» культурно-языкового опыта, обусловленные типом заимствуемого концепта.

The data of empirical research of the borrowed sign evolution are analyzed in the article. The study focuses on "creativity" as an Anglo-American borrowing. Reversible nature of semiotic process, typical for interpretation of borrowed words – from sign to it's meaning, from signifiant to signifie is shown. Different ways of assimilation of "alien" cultural experience in the consciousness of a target language are described.

Ключевые слова: семиозис, семиотические исследования, англо-американские заимствования, заимствованный знак, концепт «креативность».

Key words: semiotics researches, Anglo-American borrowing, the borrowed sign, "creativity" concept.

Изучение иноязычных заимствований переживает новую волну интереса среди отечественных и зарубежных лингвистов, так как ввиду быстро распространяющегося процесса глобализации практически все

языки мира пополняют свою лексическую систему за счет англо-американских элементов. Традиционные подходы к исследованию заимствований в основном сводятся к их классификации на основе формальных или семантических критериев, а также к дискуссиям о степени угрозы, которую они представляют для национальных языков. С развитием когнитивной парадигмы исследования появился новый подход, направленный на определение типа и структуры концепта заимствованного слова.

В работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В. И. Карасик предлагает следующую классификацию концептов заимствованных лексических единиц: нулевые (или пустые) концепты, квазиконцепты, паразитарные и частнооценочные. К нулевым ученый относит английские варваризмы; квазиконцепты обозначают заимствуемые из английской и американской культуры реалии; к паразитарным относятся заимствования, под чужой формой которых скрываются уже известные концепты. Наконец, частнооценочные концепты фиксируют под своими наименованиями ценности иной культуры и способствуют «установлению ценностных отношений, свойственных иной, в данном случае английской либо американской, культуре» [2, с. 176–179].

Примечательно, что в рамках проблематики заимствований практически полностью отсутствует семиотический подход; не наблюдается исследовательского интереса к тому, каким образом протекает семиозис заимствованного знака (процесс интерпретации знака). Более того, отсутствие семиотического подхода характерно для изучения неологизмов в целом, что можно объяснить вполне естественной для трудов в области семиогенеза (процесса знаковой эволюции) нацеленностью исключительно на предыдущие эпохи развития языка. Однако при исключительно праисторической ориентации семиотических изысканий от внимания ученых ускользает тот факт, что процесс означивания действительности не прекращается и возникающие в языке новые слова дают ученому возможность для непосредственных наблюдений за эволюцией языкового знака в процессе его коммуникативного становления. Исследования в данной области могут обеспечить смену устоявшейся гипотетико-реконструктивной парадигмы на дескриптивно-эмпирическую, отслеживающую эволюцию языкового знака в его динамике. Особой самостоятельной сферой семиотических исследований может стать процесс усвоения языковым сознанием заимствованных знаков.

В 1978 г. В. Аристова указывала, что «освоение языком заимствованных слов — сложный диахронический процесс, в котором тесно переплетаются связи и отношения, с одной стороны, заимствующего языка и языка-источника, с другой — в системе заимствующего языка» [1, с. 8]. Однако в подобном представлении системы взаимодействия отсутствует важнейший ее элемент — человек как интерпретатор смысла. Как отмечал Р. Лангакер [6], отражение действительности имеет субъективно-объективную природу и рождается не в воображении человека и не

в природе, а между ними. При заимствовании лексических единиц перед языковым коллективом-интерпретатором встает достаточно сложная задача: установить отношения обозначения между готовым знаком, результатом чужого культурно-языкового опыта и областью его референтной соотнесенности.

В связи с вышесказанным вполне обоснованным представляется выдвижение гипотезы о реверсивном характере семиозиса заимствованных языковых знаков: от готового имени знака — до установления его обозначаемого, от плана выражения — к плану содержания, к определению характерного для чужого языкового знака интенционала и экстенционала. Если для протекающего естественным образом семиозиса свойственно увеличение условности (конвенциональности) знака в результате его постепенной демотивации [4], то можно предположить, что в случае с заимствованиями происходит обратный процесс — в направлении деконвенционализации и мотивированности знака.

Рассмотрим различные варианты установления отношений между заимствуемым языковым знаком и его содержанием. Безусловно, конкретное содержание семиозиса должно находиться в тесной связи с типом заимствуемого концепта. С самым простым случаем имеем дело при заимствовании слова, обладающего материальным денотатом (квази-концепт в терминологии В.И. Карасика). В этой ситуации отношения между знаком и означаемым устанавливаются инстантно, а за планом выражения закрепляется иконический план содержания (*ксерокс, флешка* и пр.).

В ситуации заимствования «паразитарных» концептов, возникающих как дань моде на иностранные, более престижные языковые знаки, отношение между обозначающим и обозначаемым устанавливается посредством умозаключений о наличии синонимических реляций между соответствующими единицами языка-донора и языка-реципиента (*имплементация* — вместо выполнения, *нюс* — вместо новость, *мониторинг* — вместо наблюдения и т.п.). Наличие внешне синонимичных знаков-обозначений в системе собственного языка в определенных случаях может создавать иллюзию их полной семантической «тождественности» с заимствуемым «конкурентом». Так, к примеру, происходит со словами *креативный* и *творческий*, *ивент* и *событие*, *контент* и *содержание*. Можно предположить, что на первой стадии семиозиса происходит наведение мостов между новым языковым знаком и планом его содержания путем установления тождества отношений с соответствующим знаком и его обозначаемым в языке-реципиенте. И только со временем специфика контекстуального употребления заимствования позволяет интерпретирующему реципиенту «вчувствоваться» в его содержание и внести в него определенные коррективы, «обнаруживая» в означаемом чуждые, новые семы.

Рассмотрим, каким образом протекает процесс установления отношений обозначения на примере популярного, уже давно обжившегося в различных видах российского дискурса англо-американизма *креативность*, имеющего дериваты *креативный*, *креатив*, *криэйтор*.

Словарь Cambridge Dictionary определяет слово *creativity* как «the ability to produce original and unusual ideas, or to make something new or imaginative» — «способность продуцировать оригинальные или необычные идеи, создавать нечто новое или вымышленное» (CFEDT). Схожие в целом толкования находим и в других англоязычных словарях.

Толкование заимствованного слова *креативность* в русскоязычных словарях происходит путем его соотнесения с синонимическими словами «творческий», «созидательный», «новаторский». *Креативность* — «творческая, созидательная, новаторская деятельность» (БЭС); «творчество, созидание» (БСВС). На первый взгляд, заимствование *креативность* представляется паразитарным концептом, скрывающим творческое начало под новым языковым знаком.

Однако анализ дефиниций слов, приводимых словарями в качестве объяснительных синонимов: *творчество, творческий, творец*, заставляет усомниться в их полной тождественности. Согласно БЭС *творчество* — это «деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью» (БЭС). Примечательно, что Новейший философский словарь определяет «творчество» как «высшую форму универсально понимаемой креативности» (НФС).

Интересное противопоставление концепта «творца» концепту креативного человека или криэйтора находим в романе В. Пелевина «Generation "П"»:

« — Пойдешь ко мне в штат?

Татарский еще раз посмотрел на плакат с тремя пальмами и англоязычным обещанием вечных метаморфоз.

— Кем? — спросил он.

— Криэйтором.

— Это творцом? — переспросил Татарский. — Если перевести?

Ханин мягко улыбнулся.

— Творцы нам тут на *** не нужны, — сказал он. — Криэйтором, Вава, криэйтором» [5].

Будучи сам творцом, В. Пелевин чутко улавливает инородные семы в структуре импортированного, более успешного по сравнению с русским *творцом* западного аналога. В системе прежних ценностей *творец* — носитель искры божьей, его творения — во многом плод вдохновения, а заработанные деньги отнюдь не являются мерилом его гения. Напротив, он чаще всего беден и не думает о материальных благах. Творит, так как не мыслит себя без творчества. С точки зрения новой, нелиберальной, аксиологии можно даже утверждать, что русский *творец* антикреативен, поскольку не способен генерировать реальную прибыль. Таким образом, толкование креативности через творчество, а криэйтора через творца отражает только интенционал значения — создание чего-либо нового, не описывая его экстенциональных сем.

Чтобы получить динамический срез процесса семиозиса заимствования *креативность*, нами были проведены два тестирования носителей

заимствующего языка с интервалом в десять лет. Первое — в 2006 г., второе — в 2016-м. Тестируемым предлагалось ответить на вопрос, знают ли они слово *креативность*, предложить свою собственную дефиницию и выполнить субститутивные тесты по замене прилагательного *творческий* на *креативный* и наоборот в различных контекстах. В тестировании приняли участие сотрудники и студенты БФУ им. И. Канта в количестве 50 человек.

Результаты анкетирования 2006 г. показали, что все анкетированные знают это слово. Объяснения сводились к следующим толкованиям: «творческие способности» (45 респондентов), «творческий подход к деятельности» (31), «способность создавать что-либо новое» (23), «способность творить» (15), «способность продуцировать новые идеи, например, в результате мозгового штурма» (1), «оригинальность и необычность мышления» (8)¹.

В качестве материала для субститутивных тестов были предложены характерные для того периода сочетания: *креативный* (решения, люди, идеи, профессии, менеджмент, проект, поздравления, стрижки); *творческий* (работа, способности, деятельность, профессии, подход, развитие, люди, идеи). Участникам было предложено указать, в каких контекстах замена прилагательного *креативный* на *творческий* и *творческий* на *креативный* представляется им допустимой. В качестве допустимых замен прилагательного *креативный* на *творческий* большинством тестируемых были указаны сочетания: *люди, идеи, профессии, проект*. В то же время сочетания *решения, менеджмент, стрижки и поздравления* были отвергнуты практически всеми.

В проведенном в 2016 г. анкетировании можно отметить рост числа различных толкований слова *креативность*. При этом ведущим остается толкование через синонимический эквивалент в русском языке: «способность к творчеству», «творческое начало», «творческий подход к деятельности», «творческие способности» (41). Другие появившиеся формулировки: «способность создавать что-либо новое» (12), «изобретательность» (9), «отказ от стереотипного мышления» (19), «умение генерировать оригинальные идеи» (7), «свежие идеи» (8), «созидательность» (3). В пяти ответах подчеркивалась «материальность» данного термина: «способность придумывать что-то новое, в основном чтобы это новое продать», «творческая предприимчивость» и «активно реализуемая творческая способность (чаще в рекламе, пиаре)».

Субститутивные тесты содержали в 2016 г. большее количество сочетаний, выбранных нами в качестве самых высокочастотных в русскоязычных поисковых системах. В случае прилагательного *креативный* это были сочетания: *люди, идеи, подарки, стрижки, фото, рисунки, реклама, резюме, поздравление, мебель, одежда, шляпа, ужин, меню и т.п.* В случае прилагательного *творческий*: *профессии, специальности, менеджмент, проект, мастерская, работа, деятельность, способности.*

¹ В связи с тем, что тестируемые предлагали, как правило, несколько определенных, общее количество ответов не соответствует общему числу тестируемых.

Субститутивные тесты показали, что чем незначительнее, меньше и материальнее объект, тем меньше его сочетаемость валентность по отношению к прилагательному *творческий*. Так, в качестве абсолютно недопустимого были указаны сочетания *творческая мебель, шляпа, ужин* (48 человек), *фотографии, поздравления* (41), *меню* (42), *реклама* (36). В то же время замена прилагательного *творческий* на *креативный*, по мнению тестируемых, допустима почти во всех случаях. В качестве недопустимых были указаны только замены в сочетаниях *творческая мастерская* (50) и *творческие способности* (43). В первом случае это можно объяснить устоявшимся характером сочетания, во втором — интуитивным осознанием тестируемыми наличия в слове *креативность* семы «способности», в результате чего сочетание *креативные способности* представляет собой пример внутренней, семантической тавтологии.

Анализ результатов последнего тестирования показал, что, несмотря на наличие относительно схожего по значению слова в сознании заимствующего языкового коллектива, продолжается интенсивная интерпретативная деятельность. Если первое тестирование продемонстрировало, что установление отношений между знаком и его десигнатом осуществилось на уровне интенционала значения, то последующее — что процесс интерпретативной деятельности продолжается в направлении усвоения его экстенциональной семантики. Акторы семиозиса продолжают «доопределять» означаемое, уясняя чуждые для русского аналога *креативности* семы: прагматичность, конкретность, нацеленность на коммерческий успех. Очевидно, в определении реального экстенционала знака определяющую роль играет рост контекстов его употребления, о чем могут свидетельствовать также результаты субститутивных тестов.

Таким образом, полученный в результате тестирования динамический срез различных этапов семиозиса заимствованного языкового знака показал, что для первоначального этапа интерпретативной деятельности характерно установление объема предметного значения, что осуществляется путем перевода между разными языковыми кодами, относящимися к одной и той же семиотической субстанции. Следующий этап — это восприятие или понимание смыслового значения знака, информации о его свойствах, характеристиках и других признаках. Полученный динамический срез демонстрирует справедливость нашего предположения об обратном направлении семиозиса в случае заимствованного знака — от означающего к означаемому, от стадии первоначальной немотивированности к наделению знака мотивацией, являющейся результатом интерпретативной деятельности языкового коллектива.

Несомненно, процесс установления отношения между означаемым и означающим этим этапом не завершается. Как справедливо указывал В.Г. Новоселов, «...в этой точке неограниченный семиозис приостанавливается (именно приостанавливается: остановка не конечна во временном, хронологическом смысле, потому что вся наша обыденная

жизнь пронизана такими изменениями привычек). Обмен знаками приводит к изменению опыта; отсутствующее звено между семиозисом и физической реальностью как практическим действием найдено» [3, с. 162]. Можно предположить, что дальнейшим этапом будет движение в направлении конвенционализации знака, в котором экстенциональные семы уже не будут представляться чуждыми интерпретантами знака *креативность*. О такой потенциальной возможности говорит также значительное превышение частотности слова *креативный* и *креативность* по сравнению с *творческий* и *творчество*, что может служить доказательством экзистенциального проигрыша характерной для русской языковой картины мира концепции «творца» конкретному и прагматичному образу «креативного» человека, свойственному индивидуалистической системе ценностей.

Список сокращений

БЭС – Большой энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/167302> (дата обращения: 10.05.2016).

НФС – Новейший философский словарь. Минск, 1999.

CFEDT – Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: www.dictionaries.cambridge.org/ (дата обращения: 10.05.2016).

Список литературы

1. Аристова В.М. Морфологическая структура английских слов в русском языке // Англо-русские языковые контакты. Л., 1978. С. 44–47.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
3. Новоселов В.Г. Проблема интерпретации знака и неограниченный семиозис // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №8, ч. 2. С. 160–163.
4. Пирс Ч.С. Начала прагматизма : в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
5. Пелевин В. Generation «П». М., 1999.
6. Langacker R. Concept, image and symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin ; N. Y., 1991.

Об авторе

Татьяна Михайловна Шкапенко – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

About the author

Dr Tatiana M. Shkapenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru